

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии

13 июня — 15 июня 2022 г.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

«Грамматические процессы и системы в синхронии»

Оливье Азам

École Normale Supérieure, Centre de Linguistique en Sorbonne
(Париж, Франция)

Синтаксическое значение предикативного употребления полной формы имени прилагательного в именительном падеже и его семантические последствия

Когда имя прилагательное стоит в краткой форме, оно всегда является предикативным прилагательным. Поскольку в современном языке употребление краткой формы в функции определения уже невозможно, другой синтаксической интерпретации не может быть. Но не так однозначен статус имени прилагательного, когда именная часть сказуемого сводится к полной форме прилагательного в именительном падеже. Помимо структурно-двусмысленных высказываний типа *Река там глубокая, волосы у него седые*, в которых имя прилагательное может быть интерпретировано как вынесенное в конец предложения определение, функция прилагательного в таких простых двусоставных предложениях, как *Он умный, эти фрукты сочные*, не столь очевидна, как кажется на первый взгляд.

При употреблении краткой формы признак приписывается подлежащему *абсолютно*, то есть *непосредственно*. При употреблении же полной формы в именительном падеже признак приписывается подлежащему только *относительно*, посредством существительного с *тавтологическим* или *родовым* значением (*эти фрукты сочные, он человек умный*). Существительное-посредник опускается в виду своей нулевой информативной загрузки. На поверхности в составе именной части сказуемого остается только имя прилагательное, определение опущенного существительного. Получается, что любое предикативное прилагательное в именительном падеже является результатом *номинализации*, что и имеет решительное влияние на выбор между именительным падежом полной формы и краткой формой предикативного прилагательного.

Опираясь только на общепринятые семантические объяснения и не принимая в расчёт исходного статуса определения предикативного прилагательного в именительном падеже, иностранец не поймёт, почему говорят *Бог вечен*, если «постоянный признак предмета» обозначаются полными формами, или почему в одном контексте *Маша, ты глупая* покажется жестче, чем *Маша, ты глупа*, а в другой ситуации — наоборот: *Маша ты глупа* прозвучит категоричнее.

Мы покажем, что именно синтаксический подход позволяет объяснить ряд ограничений (напр., на употребление полной формы в именительном падеже, если подлежащее «уникально в своем роде» или если прилагательное имеет сильное управление) и также ряд нюансов, традиционно приписываемых семантике каждой формы (напр., выражение краткой формой временного или чрезмерного признака (*он сейчас болен, эта юбка узка*)).

Апресян Валентина Юрьевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт
русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

vapresyan@hse.ru

Копотев Михаил Вячеславович

Хельсинкский университет
Хельсинки, Финляндия

mihail.kopotev@helsinki.fi

Автономные дистрибутивные конструкции с вопросительными местоимениями в русском языке

Доклад посвящен одному типу русских дистрибутивных конструкций вида кто куда, кто о чем, когда как, которые имеют в своем составе два вопросительно-относительных местоимения и выражают значение ‘разные X характеризуются разными Y’. Материал, собранный в НКРЯ и RuTenTen, позволяет утверждать, что конструкции без правого предиката (Дети разбежались кто куда) образуют особую разновидность, отличную от косвенных дистрибутивных вопросов (Выясни, кто когда приехал) и квазирелятивов (Можно взять вещей кто сколько унесет). Эти отличия описываются в докладе на семантическом, прагматическом, синтаксическом, сочетаемостном и коммуникативном уровнях. Главные выводы нашего исследования состоят, во-первых, в том, что, разные местоимения в разной степени притягиваются или отталкиваются от дистрибутивной конструкции. Во-вторых, частотность употребления, синтаксические особенности и степень идиоматизации разных вариантов исследуемых конструкций имеют семантические, коммуникативные и прагматические основания.

Байков Федор Владимирович
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Отрицательные местоимения внутри группы прилагательного: экспериментальное исследование¹

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00037, реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>.

Как известно, русский язык относится к языкам с отрицательным согласованием: в предложениях, содержащих *ни*-местоимениями и/или наречиями (далее NCI, *англ.* negative concord items), обязательно должно быть приглагольное отрицания *не* [Падучева 2017; Szabolcsi 2018].

Несмотря на значительное число работ, посвященных отрицательному согласованию в русском языке [Brown 1999; Garzonio 2019; Erschler 2021; Lyutikova 2021, *i.a.*], ограничениям на дистрибуцию NCI в пределах клаузы уделялось сравнительно мало внимания. Единственным известным автору исключением является дипломная работа [Рожнова 2009], где предпринимается попытка описать условия лицензирования NCI через границы различных лексических категорий (ИГ, групп прилагательного и причастия, деепричастных оборотов и др.), отделяющих NCI от приглагольного отрицания. Выводы автора основываются на корпусных данных НКРЯ и суждениях небольшого количества опрошенных автором носителей.

Между тем данные об ограничениях на лицензирование NCI через границы разных категорий могут помочь прояснить его природу. В существующей генеративно-синтаксической литературе предлагаются различные механизмы моделирования отрицательного согласования: согласование NCI с лицензором (вершиной Neg⁰ или оператором на левой периферии) [Zeijlstra 2004] либо скрытое передвижение NCI к лицензору [Brown 1999]. В последнем случае это передвижение должно подчиняться обычным ограничениям, таким как Условие на области извлечения (CED) [Huang 1982]. Если же лицензирование NCI не связано с передвижением, на его локальность должна влиять только признаковая интервенция и границы фаз.

В докладе я собираюсь представить результаты экспериментального исследования одного из обобщений, выдвинутых в [Рожнова 2009]: лицензирование NCI внутри группы прилагательного (далее AdjP) возможно только тогда, когда эта AdjP является предикатом, а не модификатором при существительном. Таким образом, структура (1a) допустима, а (1b) неграмматична.

- (1) a. [NegP *ne* ... [PredP ... Pred⁰ [AdjP Adj⁰ ... NCI]]]
b. *[NegP *ne* ... [DP D⁰ ... [AdjP Adj⁰ ... NCI]]]

В эксперименте на оценку приемлемости предложений, проведенном в мае 2021 года, приняли участие 60 носителей русского языка. Четыре экспериментальных условия представляли собой: NCI внутри AdjP, модифицирующей неаккузативное подлежащее в генитиве отрицания (2); NCI внутри AdjP, модифицирующей именной предикат в инструменталисе (3); NCI внутри предикативной AdjP, возглавляемой полной формой прилагательного в инструменталисе (4); NCI внутри предикативной AdjP, возглавляемой краткой формой прилагательного (5). Атрибутивные AdjP при генитивных подлежащих рассматривались отдельно, поскольку такие ИГ, будучи нереферентными, исключают

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-18-00037 "Параметрическая модель согласования в свете экспериментальных данных", реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова

возможность возникновения семантического конфликта с нереферентным NCI. Кроме того, они могут быть ИГ малой структуры (NP в отличие от DP в аргументных позициях в других контекстах) и содержать меньшее количество функциональных проекций.

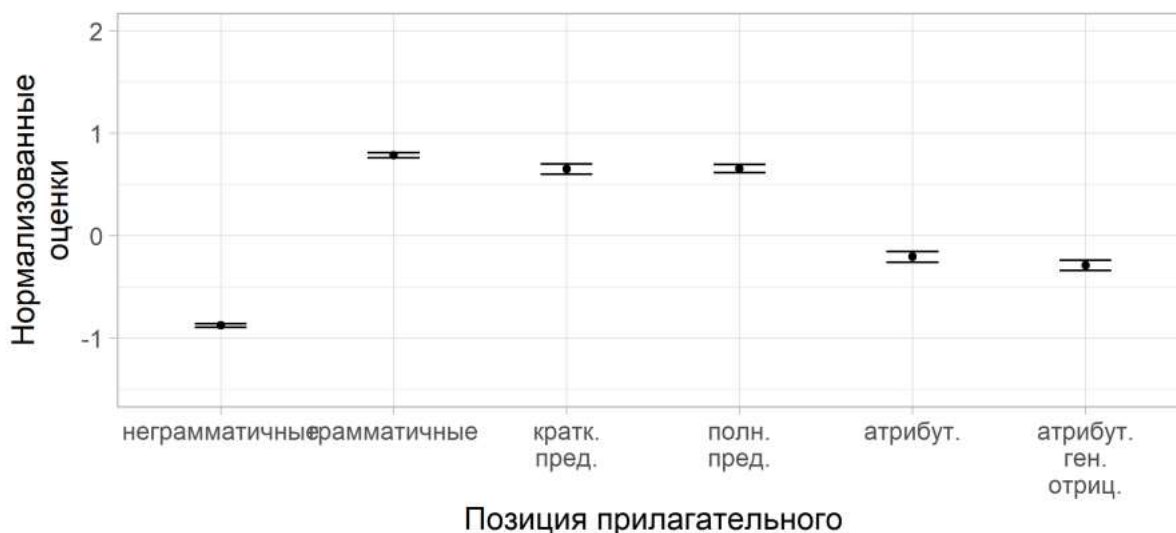
- (2) В следующем разделе не было простой ни для кого из школьников задачи.
- (3) Следующее задание не было простой ни для кого из школьников задачей.
- (4) Следующая задача не была простой ни для кого из школьников.
- (5) Следующая задача не была проста ни для кого из школьников.

Таким образом, сравнивались все три практически возможные комбинации категориального статуса (ИГ или AdjP) и синтаксической функции (аргумент или предикат): предикативные AdjP (с краткими и полными формами прилагательных), предикативные ИГ в инструменталисе и аргументные ИГ (генитивные подлежащие). Четвертая логически возможная комбинация – аргументные AdjP – реально не встречается.

Всего участники оценивали 48 предложений (16 экспериментальных, 32 филлерных) по 7-балльной шкале Ликерта.

Результаты эксперимента однозначно подтверждают обобщение, сделанное М. Рожновой. Парное сравнение показывает, что предложения с NCI внутри предикативных AdjP получают высокие оценки независимо от того, краткая или полная форма прилагательного возглавляет AdjP, и их оценки не отличались статистически значимо от грамматичных филлеров. Предложения с NCI внутри атрибутивных AdjP получили значимо более низкие оценки независимо от наличия генитива отрицания, хотя оба эти условия и оценивались выше неграмматичных филлеров (которыми были предложения с NCI в отсутствие приглагольного отрицания). Таким образом, их приемлемость не повышает даже генитив отрицания, обычно улучшающий оценки предложений с единицами, нуждающимися в лицензировании отрицанием [Корнакова и др. 2016].

Диаграмма с результатами эксперимента представлена ниже.

Хотя сами по себе ни границы AdjP, ни границы ИГ не являются препятствием для лицензирования NCI, их сочетание приводит к невозможности такого лицензирования. Это различие можно объяснить различием в аргументно-адьюнктном статусе AdjP в (1), которое может быть формализовано с помощью различного способа их встраивания в структуру предложения [Chomsky 2004].

Результаты проведенного эксперимента являются также еще одним аргументом против подходов, рассматривающих предикативные AdjP в качестве модификаторов нулевых или элидированных существительных [Babby 1973; Bailyn 2012: sec. 2.6.1] (аргументы в пользу такого анализа и против него рассматриваются в [Grashchenkov 2018: разд. 2.2.3.3]). При таком анализе между предложениями с атрибутивными и предикативными AdjP не было бы никаких структурных различий, которые могли бы объяснить способность только

предикативных (но не атрибутивных) AdjP содержать NCI, лицензируемые глагольным отрицанием.

Литература

- Гращенков 2018 — П. В. Гращенков. *Грамматика прилагательного: Типология адъективности и атрибутивности*. М.: Издательский дом «Языки славянской культуры», 2018.
- Корнакова и др. 2016 — Корнакова Е.В., Лютикова Е.А., Гращенков П.В. Лицензирующие свойства отрицания в русском языке // *Рема*. 2016. №4. С.58–82.
- Падучева 2017 — Е. В. Падучева. Отрицательные местоимения. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2017.
- Рожнова 2009 — М. А. Рожнова. Синтаксические свойства отрицательных местоимений в испанском и русском языках. Дипломная работа. РГГУ, 2009.
- Babby 1973 — Babby L. The Deep Structure of Adjectives and Participles in Russian // *Language*, 1973, №49(2). P. 349–360.
- Bailyn 2012 — Bailyn J. F. *The syntax of Russian*. Cambridge University Press, 2012.
- Brown 1999 — Brown S. *The Syntax of Negation in Russian: A Minimalist Approach*. Stanford (CA): Center for the Study of Language and Information, 1999.
- Chomsky 2004 — Chomsky N. Beyond Explanatory Adequacy // A. Belletti (ed.). *Structures and Beyond: The Cartography of Syntactic Structures*, Volume 3. New York: Oxford University Press, 2004. P. 104-131.
- Erschler 2021 — Erschler D. Colloquial emphatic negation in Russian and morphology of negative concord. Talk given at Formal Approaches to Slavic Linguistics 30 conference, May 2021.
- Garzonio 2019 — Garzonio J. Negative Concord in Russian: An Overview // *Studi di linguistica slava*. P. 175-190.
- Huang 1982 — Huang, C.-T. J. *Logical Relations in Chinese and the Theory of Grammar*. Ph.D. dissertation. MIT, 1982.
- Lyutikova 2021 — Lyutikova E. On the structure of Russian infinitival clauses, with special attention to negative concord. Plenary talk given at Formal Approaches to Slavic Linguistics 30 conference, May 2021.
- Zeijlstra 2004 — Zeijlstra H. *Sentential Negation and Negative Concord*. PhD dissertation. Amsterdam: University of Amsterdam, 2004.

Белова Дарья Дмитриевна

МГУ им. Ломоносова,

Междисциплинарная научно-образовательная школа МГУ им. М.В. Ломоносова «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект»
(Москва, Россия)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00037, реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>.

Предикативное согласование с местоименными конъюнктами: экспериментальное исследование

Настоящее исследование посвящено вариативности согласования предиката по лицу и числу с подлежащими, выраженными сочиненными местоимениями. В том случае, если в

сочиненной конструкции в позиции подлежащего присутствуют конъюнкты с разными значениями ф-признака, в том числе лица, возможны три стратегии выбора формы предиката. Первой является стратегия *разрешения* (*resolution*), при которой из двух значений выбирается одно, при этом предикат имеет форму множественного числа даже в том случае, если оба конъюнкта стоят в единственном. В частности, при согласовании в соответствии с *личной иерархией* (ЛИ) предикат принимает то значение признака лица, которое находится выше в иерархии $1 > 2 > 3$ [Zwicky 1997]. Второй стратегией является *частичное согласование*: предикат принимает и признак лица, и признак числа у одного из конъюнктов. Например, в литературе описывается т.н. *согласование с ближайшим конъюнктом* (*Closest Conjunct Agreement*) и его разновидность – *согласование с первым конъюнктом* (*First Conjunct Agreement*) в конфигурации, когда предикат стоит перед сочиненной группой [Munn 1999; Bošković 2009; van Koppen 2006]. Интересно отметить, что согласование с ближайшим конъюнктом часто фиксируется в языках с базовым порядком слов VS, таких как уэльский и арабский, а также вариативно либо в определенных контекстах в языках, где стандартной стратегией является разрешение, но ограничения на порядок слов допускают заглагольную позицию субъекта, как в чешском (1). Наконец, если по каким-то причинам ни одна из двух перечисленных выше стратегий не может примениться, выбирается *дефолтное согласование* – форма предиката, не зависящая ни от каких признаков субъекта [Nevins & Weisser 2018].

- (1) ЧЕШСКИЙ
- a. *Já a ty zůstaneme doma.*
 я и ты остаться.FUT.1PL дома.
 ‘Я и ты останемся дома’.
 [Driemel 2018]
- b. *Pějdu tam já i ty.*
 идти.FUT.1SG там я и ты
 ‘Я и ты оба пойдем туда’.
 [Johannessen 1996]

В русском языке, согласно нормативным грамматикам, «если в составе ряда объединяются местоимения 1 и 2 или 1 и 3 лица, то уподобляющей (в значении лица) всегда оказывается форма 1 л.» – то есть стратегия разрешения в соответствии с ЛИ [Русская грамматика 1980: 243-244]. Однако существует несколько предпосылок к тому, чтобы исследовать потенциальную вариативность предикативного согласования экспериментальными методами. Во-первых, подобные экспериментальные исследования проводились для других языков и подтверждали приемлемость различных стратегий. В работе [Timmermans et al. 2004] показано, что носители немецкого и нидерландского языка часто согласуют предикаты и рефлексивные местоимения с подлежащими с конъюнктами второго и третьего лица по форме 3pl, а не 2pl, что противоречит ЛИ. Частичное согласования по ф-признакам в славянских языках также изучалось экспериментально, например, для боснийского / хорватского / сербского [Čordalija et al. 2020] и словенского [Marušič et al. 2007, 2015].

Во-вторых, существуют свидетельства частичного согласования по ф-признакам и в русском языке. Корпусное исследование [Пекелис 2013] показывает, что конструкции с препозицией глагола упрощают частичное согласование по роду и числу с конъюнктами с повторяющимися союзами (2). Также корпусные (в том числе диалектные) данные русского языка анализируются в работе [Corbett 1985]. Г. Корбетт делает вывод, что согласование по множественному числу очевидно более предпочтительно в препозиции субъекта и «маргинально предпочтительно» в постпозиции и в литературных, и в диалектных текстах. Тем не менее, примеры частичного согласования встречаются в предложениях с обоими порядками слов и текстов обоих типов (3)

(2) *Я знал, как у Сережи моментально менялся и тон, и выражение лица*

- (3) а. *Раньше отец, мать благословляет молодых.*
б. *Заплачет мать и мой отец.*

Наконец, в-третьих, изучение согласования с сочиненными группами, где обоими конъюнктами выступают местоимения единственного числа, исключительно корпусными методами практически невозможно. Подобные конфигурации представляют из себя достаточно специфичный контекст с точки зрения прагматики (должна быть ситуация, требующая отделения двух участников друг от друга, иначе говорящий мог бы объединить их одним местоимением множественного числа) и информационной структуры. Для конъюнктов «я и ты» / «ты и я» с двумя порядками относительно глагола настоящего времени в НКРЯ находится суммарно 25 вхождений; «я и ты» в заглагольной позиции не встречается ни разу. Ожидаемо, во всех этих примерах мы наблюдаем нормативное согласование по 1pl.

Таким образом, представляется важным применить методы экспериментального синтаксиса к исследованию приемлемости различных стратегий предикативного согласования с местоименными конъюнктами разного лица в зависимости от порядка слов и порядка конъюнктов: опрос большого числа носителей и статистическая обработка полученных данных позволит надежно обнаружить вариативность, если таковая есть. Мы провели два эксперимента с использованием методики извлечения суждений по шкале Ликерта 1–7 (где оценка 1 соответствует «плохому», неприемлемому предложению, оценка 7 – «хорошему», приемлемому). Эксперименты имели идентичный дизайн с двумя проверяемыми факторами: порядком конъюнктов («я и ты» или «ты и я») и формой предиката (согласование по ИЛ – 1pl, частичное согласование с одним из конъюнктов – 1sg и 2sg, дефолтное согласование – 3pl). В одном эксперименте стимулы имели структуру SVO, в другом — OVS, лексикализации стимулов были идентичны. Пример экспериментальных блоков SV- и VS-экспериментов приведены в (5). Тестовые стимулы чередовались с грамматичными и неграмматичными филлерными предложениями; в неграмматичных филлерах встречались очевидные ошибки в согласовании по лицу с сочиненной именной группой и ошибки в падежном управлении предлогов.

- (5) а. *[Я и ты / ты и я] покупаем / покупаю / покупаешь / покупают телевизор для бабушки.*
б. *Телевизор для бабушки покупаем / покупаю / покупаешь / покупают [я и ты / ты и я].*

Эксперименты распространялись в социальных сетях и на платформе «Яндекс.Толока» (<https://toloka.yandex.ru>). Первый эксперимент прошли 107 респондентов-носителей русского языка, второй эксперимент – 126 респондентов. Результаты показывают, что все три стратегии предикативного согласования получают оценки выше, чем неграмматичные филлеры, то есть являются потенциально возможными. Нормативная стратегия разрешения в соответствии с ЛИ, то есть форма 1pl, получает наиболее высокие оценки при обоих порядках слов и при обоих порядках конъюнктов. Стратегия дефолтного согласования по 3pl также получает оценки на одном уровне относительно порядка конъюнктов, то есть не имеет различий в оценках между «я и ты» и «ты и я». Приемлемость же стратегии частичного согласования, в отличие от двух первых, зависит от позиции субъекта относительно предиката. В SV-эксперименте фактор порядка конъюнктов оказался незначимым, а предложения с формами глагола 1sg и 2sg получили наиболее низкие оценки. В VS-эксперименте наблюдается явный эффект согласования с ближайшим конъюнктом: после предиката в форме 1sg сочиненная конструкция «я и ты» получает значимо более высокие оценки, чем «ты и я», и аналогичная закономерность обнаруживается с формой 2sg.

Те конфигурации, где глагол и первый конъюнкт совпадают по лицу, также оцениваются выше, чем дефолтное согласование.

Таким образом, мы получили экспериментальное подтверждение того, что в русском языке заглагольное положение субъекта повышает допустимость не синтаксических, но пост-синтаксических механизмов предикативного согласования.

Источники:

- Русская грамматика 1980 — Русская грамматика / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). — М.: Наука, 1980. — Т. 2: Синтаксис.
- Пекелис 2013 — Пекелис О.Е. «Частичное согласование» в конструкции с повторяющимся союзом: корпусное исследование основных закономерностей. // Вопросы языкознания. Вып. 4. — 2013. — С. 55–86.
- Bošković 2009 — Bošković, Ž. Unifying first and last conjunct agreement. // *Natural Language & Linguistic Theory*, 27(3). — 2009. — С. 455–496.
- Corbett 1985 — Corbett G. Hierarchies, Targets and Controllers. *Agreement Patterns in Slavic*. — London & Canberra: Croom Helm. — 1985.
- Driemel 2018 — Driemel I. Person mismatch agreement. // *Proceedings of the 48th North East Linguistic Society / Sherry Hucklebridge & Max Nelson (eds.)*. — UMass Amherst: GLSA Publications. — 2018.
- Harbert & Bahloul 2002 — Harbert, W., Bahloul, M. Postverbal subjects in Arabic and the theory of agreement. // *Themes in Arabis and Hebrew Syntax*. — Dordrecht: Springer. — 2002. — С. 45–75.
- Johannessen 1996 — Johannessen J.B. Partial agreement and coordination. Remarks and Replies. // *Linguistic Inquiry*. — 1996. — С.661–676.
- van Koppen 2006 — van Koppen M. One Probe, Multiple Goals: the case of First Conjunct Agreement. // *Special Issue of Leiden Papers in Linguistics 3.2 / M. van Koppen (ed.)*. — 2006.
- Munn 1999 — Munn, A. First conjunct agreement: Against a clausal analysis. // *Linguistic inquiry*, 30(4). — 1999. — С. 643–668.
- Nevins & Weisser 2018 — Nevins A., Weisser P. Closest Conjunct Agreement // *Annual Review of Linguistics*, 5(1). — 2018. — С. 219–241.
- Timmermans et al. 2004 — Timmermans M., Schriefers H., Dijkstra T., Haverkort M. Disagreement on agreement: person agreement between coordinated subjects and verbs in Dutch and German. // *Linguistics* 42. — 2004. — С. 905–929.
- Zwicky 1997 — Zwicky, A. Hierarchies of Person. // *Chicago Linguistics Society*. — 1997. — С. 714–733.

**Булыгина Елена Юрьевна
Дмитриева Екатерина Сергеевна
Трипольская Татьяна Александровна**

Новосибирский государственный педагогический университет
(Новосибирск, Россия)

Однонаправленные и разнонаправленные глаголы в текстовой перспективе

Доклад посвящен исследованию текстового потенциала одно- и разнонаправленных глаголов движения (на материале оригинального и переводного текстов Р. Süskind «Die Geschichte von Herrn Sommer»).

Для русских глаголов движения релевантным является понятие направления, так как

любое перемещение осуществляется в пространстве по определенной траектории. В рассматриваемых языках этот параметр движения интерпретируется языковыми системами по-разному.

Глаголы направленного движения в русском языке тяготеют к регулярному противопоставлению по признаку однонаправленность – неоднаправленность. Это грамматическая классификация глагольных лексем (РГ-80), однако семантика направления может быть представлена и иными языковыми способами: словосочетаниями *отправиться в путь, держать путь, быть в дороге, дорога ведет* и пр., приставками *заходить, вбегать, вынырнуть, войти, выходить* и пр. и разговорно-просторечными формами типа *свистать/усвистать, тащиться/таскаться* и пр.

В немецком языке в отличие от русского разграничение семантики одно- и разнонаправленности, как правило, выражается при помощи немаркированного глагола и соответствующих распространителей (наречий местоположения и направления, предложно-падежных конструкций, прямых дополнений и др.).

Представим соотношение русских одно- и неоднаправленных глаголов с немецкими: *идти/ходить* – *gehen*, *ехать/ездить* – *fahren*, *бежать/бегать* – *laufen (rennen)*, *лететь/летать* – *fliegen*, *плыть/плавать* – *schwimmen*, *брести/бродить* – *schlendern* и др. Ср.: глагол *gehen* (ходить) в разных контекстах выступает как однонаправленный и разнонаправленный глагол: *Ich ging auf dem Weg* – *Я шел по дороге* (однаправленный глагол, отражающий конкретное и некратное действие); *Sie waren den ganzen Tag durch die Strassen gegangen* – *Они весь день ходили по улицам* (разнонаправленный глагол, отражающий отвлеченное и кратное действие).

Отметим в первую очередь те параметры процесса движения, зафиксированные в языке, которые наиболее актуальны для лексико-грамматической организации оригинального и переводного текстов: движение однонаправленное (*идти, бежать* и др.); разнонаправленное (*ходить, бродить* и др.); способ передвижения (*идти, плыть* и др.); средство передвижения (*идти пешком, ехать на велосипеде* и др.); скорость (*идти, бежать, тащиться, плестись* и др.); направление + цель передвижения (*идти в школу, бесцельно бродить по лесу*); совершать попутно какие-либо действия (*зайти по пути, занести по пути* и др.).

Насыщенность текста единицами разных частей речи со значением движения (в первую очередь глаголами) организует хронотоп повести: семантика пространства и времени актуализируется именно с помощью лексики движения.

В этой текстовой парадигме ключевая роль принадлежит одно- и разнонаправленным глаголам. Каждый из главных персонажей включен в художественный нарратив с помощью лексики движения: если господин Зоммер – пешеход, демонстрирующий невероятно энергичное и однонаправленное движение, то мальчик, глазами которого мы видим все события, проживает свою жизнь в самых разнообразных передвижениях: горизонтальное и вертикальное (на дерево, на крышу, на гору, на лестницу – идея роста), сверхбыстрое (нести) и медленное (плестись), с помощью ног и на велосипеде, по земле и по воде. Способы передвижения мальчика и других персонажей противопоставлены принципиально иному перемещению господина Зоммера: постоянному и повторяемому, выраженному с помощью глаголов НСВ, только пешему по горизонтальной плоскости, с невероятной скоростью и четким направлением, но без определенной цели, понятной наблюдателю и читателю.

В семантике однонаправленных глаголов присутствует производная потенциальная сема «цель движения». В тексте же главная загадка (загадка только для маленького наблюдателя и до поры для читателя), куда и зачем идет, шагает, стремится, топает Зоммер. Практически все глаголы и другие средства текста, актуализирующие направление, находятся в контексте, который не просто погашает сему «цель движения», но и вовсе ее исключает. Таким образом, главный семантический парадокс создается благодаря внутритекстовому противопоставлению "определенное направление" и "отсутствия какой-либо цели" передвижений главного героя. В конце повести бесцельность движения приобретает определенность: главный герой убегает не куда-то, а от чего – от клаустрофобии – твердым энергичным шагом он направляется в озеро.

Герасимова А.А.
МГУ им. М.В. Ломоносова

К вопросу о типах биноминативных предложений в русском языке

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00037, реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>.

В докладе определяется набор формальных признаков для классификации русских биноминативных предложений (БП). Центральным в области исследования биноминативных клауз можно назвать противопоставление предикативных и специфицирующих предложений, которое впервые было предложено в классификации Ф.Р. Хиггинса [Higgins 1979]. Как показывают исследования на материале нидерландского, немецкого, исландского языков, это противопоставление позволяет объяснить варьирование в согласовании глагола-связки [den Dikken 2006, Hartmann, Heycock 2020].

Наиболее полная классификация БП в русском языке, разработанная Е.В. Падучевой и В.А. Успенским ([Падучева, Успенский 1979]) задается актуальным членением в клаузе, а также тем, какая из двух именных составляющих является контролером согласования. Однако классификация не учитывает варьирование при согласовании, а сами авторы выделяют ряд случаев, являющихся проблемными. Адаптация классификации Ф.Р. Хиггинса к материалу русского языка, проведенная в работе Л. Гайст [Geist 2007], при этом оказывается неудовлетворительной, поскольку не учитывает особенности употребления русских БП, связанные с актуальным членением.

В докладе мы представим сопоставительный анализ различных подходов к классификации БП и определим критерии различения предикативных и специфицирующих БП в русском языке. В частности, мы предложим отказаться от поиска в БП подлежащего и сказуемого, и взамен сосредоточиться на соотношении денотативного статуса именных компонентов и актуального членения.

Литература:

- Падучева, Успенский 1979 — Падучева Е. В., Успенский В. А. Подлежащее или сказуемое // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М. 1979. Т. 38. №. 4.
- den Dikken 2006 — den Dikken M. Specificational copular sentences and pseudoclefts // The Blackwell Companion to Syntax Vol. IV. 2006. P. 292–409.
- Geist 2007 — Geist L. Predication and equation in copular sentences: Russian vs. English // Existence: Semantics and syntax. Springer, Dordrecht, 2008. P. 79-105.

Hartmann, Heycock 2020 — Hartmann J. M., Heycock C. (Morpho) syntactic Variation in Agreement: Specificational Copular Clauses Across Germanic // *Frontiers in psychology*. 2020. Vol. 10. P. 2994.

Higgins 1979 — Higgins, F. R. The Pseudo-Cleft Construction in English. New York, NY: Garland. 1979.

Давидюк Татьяна Игоревна
ИЯз РАН,
МГУ им. М.В. Ломоносова

Лично-числовое согласование и взаимное расположение конъюнктов и предиката: экспериментальное исследование

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-00037, реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>.

В русском языке наблюдается иерархия согласования по лицу. Если в состав сочиненного подлежащего входит местоимение 1 или 2 лица, то личное значение глагольной формы определяется этим местоимением (1)-(2). Если сочиненное подлежащее состоит из местоимений 1 и 2 лица, то выбирается согласование по 1 лицу (3).

- (1) *Я и он придём.*
[РГ 1980: 244]
- (2) *Ты и твои родные не едете.*
[РГ 1980: 244]
- (3) *Ни я, ни ты не едем.*
[РГ 1980: 244]

Действие иерархии согласования по лицу наблюдается и в ряде других индоевропейских языках: словенском [Corbett 2006], словацком и испанском [Dalrymple, Kaplan 2000].

Тем не менее, иерархия согласования по лицу в русском языке может быть нарушена в некоторых случаях. Очевидный случай нарушения иерархии представляют собой конструкции с препозицией глагола, в которых согласование может происходить только с первым конъюнктом (4).

- (4) *Остаются учителя старших классов и ты.*
[Пекелис 2013]

В качестве пилотного исследования взаимодействия иерархии согласования по лицу с взаимным расположением конъюнктов и предиката нами были проведены два эксперимента. Методика проведенных экспериментов заключалась в оценке приемлемости предложений по шкале от 1 до 7. В качестве независимых переменных выступали позиция глагола — препозиция или постпозиция — и признаки согласуемого глагола. Первый эксперимент содержал предложения с глаголом в непрошедшем времени, а второй — предложения с глаголом в прошедшем времени. Смысл разделения на два эксперимента состоит в том, что в прошедшем времени у глагола среди согласовательных признаков отсутствует лицо.

Итак, в первом эксперименте глаголы в стимульных предложениях выступали в четырех различных формах, а во втором эксперименте — в двух формах. Сочиненное

подлежащее в экспериментальных предложениях имело вид *я и Вася*: первым конъюнктом выступало местоимение *я*, в качестве второго конъюнкта использовалось имя собственное мужского рода. Расстояние от сочиненного подлежащего до глагола было минимальным. Кроме того, в стимульных предложениях мы использовали преимущественно незргативные предикаты, соблюдая при этом баланс по совершенному и несовершенному виду. Филлеры делились на грамматичные и неграмматичные, соотношение филлеров к экспериментальным предложениям составляло 1:1. В грамматичных филлерах сочиненное подлежащее состояло из двух имен собственных мужского рода, глагольное согласование с которым осуществлялось по (3 лицу) множественному числу. Неграмматичные филлеры в эксперименте с непрошедшим временем были представлены конструкциями, где оба конъюнкта были выражены именами собственными мужского рода, а согласование содержало явную ошибку (например, *Вася и Петя придём на вечеринку*). Неграмматичные филлерные предложения в эксперименте с прошедшим временем содержали ошибку в предложном управлении (например, *Вася и Петя нырнули над прорубь*). Примеры блоков стимульных предложений для первого и второго экспериментов представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Пример блока стимульных предложений для двух первых экспериментов

для непрошедшего времени	для прошедшего времени
Я и Вася гуляю в парке.	Я и Вася гулял в парке.
Я и Вася гуляем в парке.	
Я и Вася гуляет в парке.	Я и Вася гуляли в парке.
Я и Вася гуляют в парке.	
В парке гуляю я и Вася.	В парке гулял я и Вася.
В парке гуляем я и Вася.	
В парке гуляет я и Вася.	В парке гуляли я и Вася.
В парке гуляют я и Вася.	

В эксперименте с непрошедшим временем наиболее высокие оценки во всех типах предложений ожидаемо получило согласование по 1 лицу множественному числу. Согласование по 1 лицу единственному числу также оценивалось достаточно высоко в конструкциях с препозицией глагола; при постпозиции глагола оно оценивалось на уровне неграмматичных филлеров. Оценки для согласования по 3 лицу единственному числу во всех предложениях также не отличаются от оценок неграмматичных филлеров. Примечательно, что выше неграмматичных филлеров оценивалось согласование по 3 лицу множественному числу. Предложения с таким согласованием можно найти и в НКРЯ:

- (5) *Тут, в темном лесу фирм-однодневок, ты и твои люди **прячут** свой миллион.*
[НКРЯ. Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005)]

В эксперименте с прошедшим временем наиболее высокие оценки во всех типах предложений получило согласование по множественному числу. Интересно, что при препозиции глагола согласование по единственному числу оценивается существенно ниже, нежели согласование по множественному числу.

Таким образом, среди нетривиальных результатов эксперимента можно выделить возможность согласования по 3 лицу множественному числу и падение оценок для согласования только с первым конъюнктом при переходе к прошедшему времени.

Дополнительно мы провели два эксперимента (также в непрошедшем и прошедшем времени) для порядка слов VS, который задействовал изменение порядка конъюнктов: помимо порядка вида *я и Вася*, в экспериментальных предложениях использовался порядок *Вася и я*. Результаты этих двух экспериментов показали, что порядок конъюнктов оказывается значимым в предложениях с непрошедшим временем и незначимым — с прошедшим временем.

Литература

- Пекелис О. Е. Сочинение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru/>). Рукопись. 2013.
- Русская грамматика / Под. ред. Н. Ю. Шведовой. В 2-х т. Т. II. М., 1980.
- Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008.
- Corbett G. G. Agreement. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2006.
- Dalrymple M., Kaplan R. M. Feature indeterminacy and feature resolution // Language. 2000. №76(4). С. 759-798.

Ермолова Мария Вадимовна
ИРЯ РАН
(Москва, Россия)

О предикативном употреблении причастий в русском языке XVII-XVIII вв.

В докладе будут обсуждаться две особенности функционирования причастий в русском языке XVII-XVIII вв., которые отличают обсуждаемый период развития языка как от древнего, так и от современного состояний.

1. В XVII в. действительные причастия (как прошедшего, так и настоящего времени) широко употребляются в предикативной функции. Это могут быть как конструкции, в которых причастие соединяется с другим глагольным предикатом с помощью соединительного союза (Ту бежит скоро и впадет, в яму, а Мужик пришед просты и глаголет [Интермедии. (Междоречие) [1675-1710]]), так и конструкции, в которых причастие формирует единственную предикативную единицу (В Наугольную башню идучи лѣстница каменная АМГ III, с. 10 (1660-1664)). Такое использование причастий является нечастым в древнерусских текстах и невозможным в современном литературном языке.

2. Для языка XVII-XVIII вв. характерно использование страдательных причастий прошедшего времени без вспомогательного глагола в аористном значении («Вячеслав Владимирович по смерти брата своего Ярополка сидел на великом княжении Киевском 20 дней; выгнан от Всеволода Ольговича. Потом принят в сообщество на великое княжение Киевское от племянника своего Изяслава, и с ним купно и по смерти его княжил с Ростиславом» М. В. Ломоносов «Краткий российский летописец с родословием»), на что не раз обращали внимание исследователи (П.С. Кузнецов, Л.А. Булаховский, Е.В. Падучева и др.). Как отмечает П.С. Кузнецов, широкое употребление страдательных причастий прошедшего времени без вспомогательного глагола в аористном значении является «наиболее яркой чертой, характеризующей страдательный оборот в русском литературном языке XVIII и начала XIX в.». Для древнерусского языка подобные примеры являются скорее исключением.

Представляется, что в основе обсуждаемых употреблений лежит один механизм. Причастия, с древнейших времен характеризовавшиеся неустойчивым грамматическим статусом, в исследуемый период актуализируют свои глагольные свойства, сближаясь с финитными формами, о чем косвенно свидетельствует материал русских диалектов и других славянских языков, в которых эта тенденция получила более широкое развитие, чем в русском языке.

Зевахина Наталья Александровна
НИУ ВШЭ

Щипкова Алина Алексеевна
НИУ ВШЭ
(Москва, Россия)

Металингвистическое сравнение в русском языке: корпусное и экспериментальное исследование

В докладе представлены результаты корпусного и экспериментального исследования, посвященного асимметричным металингвистическим сравнительным конструкциям (или мета-компаративам) в русском языке (например, "Лучше пойдете к озеру, чем здесь стоять", "Тут важно скорее умение, чем искать легкие пути"). Их отличительной особенностью является то, что их две части принадлежат разным синтаксическим категориям или имеют разные морфологические формы. Мета-компаративы демонстрируют определенные морфологические и синтаксические свойства и подразделяются на несколько грамматических видов, среди которых наблюдается разнообразие. С морфологической точки зрения, имперфективные инфинитивы и перфективные финитные формы в сослагательном и изъявительном наклонении занимают особое положение в системе асимметричных мета-компаративов. С синтаксической точки зрения, асимметричные мета-компаративы представляют собой биклаузные, бифразовые или смешанные (клаузуально-фразовые) структуры. Их бифразовая вариативность напоминает функциональную однородность стандартных сравнительных конструкций в терминах Санников (2008). Наконец, в докладе обсуждается грамматическая асимметрия в сравнительных и сочинительных синтаксических структурах.

Князев Михаил Юрьевич
ИЛИ РАН; ВШЭ СПб;
МГУ им. М.В. Ломоносова

Влияние регистра на оформление сентенциального актанта в русском языке: экспериментальное исследование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00037, реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>.

Существенное число русских предикатов проявляют вариативность в оформлении утвердительного сентенциального актанта, присоединяя придаточное с союзом *что* непосредственно или посредством соотносительного слова (коррелят) в косвенном падеже или в конструкции с предлогом. Исходя из тенденции к меньшей эксплицитности устной разговорной речи можно ожидать, что факультативный коррелят (как в *надеяться на то, что*) будет чаще опускаться в менее формальных регистрах по сравнению с более формальными. Для проверки данной гипотезы был проведен эксперимент на предпочтении одной из двух конструкции в зависимости от формальности регистра. В эксперименте проверялись 18 предикатов. С каждым из них было сконструировано по два предложения, одно в разговорном и одно в газетном регистре; для проверки отнесения сконструированных предложения к регистру был проведен отдельный эксперимент. В эксперименте также проверялся фактор предпочтения предикатом того или другого способа оформления сентенциального актанта по данным НКРЯ. Эксперимент в

целом подтвердил проверяемую гипотезу, однако также были обнаружены различия в поведении предикатов разных классов, а также отдельных предикатов.

Крылов С. А.
ИВ РАН
(Москва, Россия)

О некоторых базовых дихотомиях в сфере грамматики

Проанализируем логически некоторые базовые дихотомии грамматики: «грамматическое» (vs. не-грамматическое), «морфологическое» (vs. не-морфологическое), «синтетическое» (vs. не-синтетическое), «флексивное» (vs. не-флексивное), «словоизменительное» (vs. не-словоизменительное).

Грамматика (в широком смысле слова, то есть учение об «аналогии») изучает языковые «правила» (= «регулярности») оперирования знаками, то есть построения речевых комбинаций инвентарных единиц языка. Этим она отличается от лексикологии (в широком смысле слова, то есть от учения об «аномалии»), изучающей «исключения из правил» (= «нерегулярности»), составляющие инвентар языковых знаков (инвентарных единиц языка).

Морфология (vs. синтаксис) изучает закономерности построения слов (номинативных единиц языка) (vs. их комбинаций); синтаксис изучает законы построения коммуникативных единиц (высказываний) из слов.

Синтетическая морфология (vs. аналитическая) изучает закономерности построения неразрывных единиц (основ).

Флексивная морфология (vs. агглютинативная) изучает закономерности построения сочетаний основ с граммами, обладающими свойством облигаторности.

Словоизменительная морфология изучает законы построения сочетаний основ с граммами, обладающими таким набором свойств (типом значения): 1) «**контекстная обусловленность**» выбора либо «**модально-актуализационный**» («шифтерный») (vs. диктальный) тип; 2) «**модификационный**» (vs. “транспозиционный”) тип.

Кувшинская Юлия Михайловна
НИУ ВШЭ
(Москва, Россия)
ykuvshinskaya@hse.ru
kjulia4@yandex.ru

Употребление неопределенных местоимений серии на -либо в контексте прямого отрицания

Семантика и употребление неопределенных местоимений остается достаточно сложной, высоко дискуссионной и не до конца исследованной областью. В частности, неясен вопрос о допустимости употребления местоимений серии на -либо в контексте прямого отрицания (см. различающиеся мнения об этом Е.В. Падучевой и М. Хаспельмата [Падучева 2015;

Хаспельмат 1997: 36]). В докладе мы рассмотрим эту проблему на материале Национального корпуса русского языка и Корпуса русских учебных текстов с привлечением экспериментальных данных (опроса). Будут выделены типы контекстов, лицензирующие такое употребление, а также типы контекстов, не допускающие употребления какой-либо под прямым отрицанием; рассмотрены причины возможности или невозможности таких употреблений, обсуждены нестандартные случаи.

Лазуткина Елена Михайловна
ИРЯ РАН
(Москва, Россия)

Оператор *сила субъекта* в модельной семантике активных конструкций

Доклад посвящен проблеме описания механизмов лингвистической прагматики. Анализируется синтаксическая семантика разных моделей двусоставных глагольных предложений с системно закрепленным порядком слов.

Показываются процессы фразеологизации в грамматике, обнаружение макросемантических разрядов лексики и неочевидных парадигматических отношений, асимметричные отношения категорий *форма – значение – функция*.

Делаются выводы о способах репрезентации бинарной категории *субъект / объект*.

Матханова Ирина Петровна
Новосибирский государственный педагогический университет
(Новосибирск, Россия)

Функционирование русских наречий цели в высказывании: актуализация каузируемой ситуации

В докладе рассматриваются высказывания, содержащие наречия / наречные выражения с семантикой цели, такие как: *нарочно, специально, назло; на смех, на память, умиротворяющее, профилактически* и др. (как относящиеся к ядерной группе, так и те, которые обычно не включаются в нее), фиксируется наличие / отсутствие ситуации, раскрывающей содержание каузируемой ситуации, цели-результата, сочетаемости нескольких средств выражения цели, в том числе наречных и не-наречных.

Исследованию средств выражения цели посвящено немало работ (И. А. Мельчук, Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина, Е. В. Рахилина и др.), однако особенности функционирования наречий цели изучены недостаточно, они рассматриваются в составе других языковых средств, за исключением словарных статей в Новом объяснительном словаре синонимов (авт. – И.Б. Левонтина).

К дискуссионным проблемам относятся: состав наречий цели (в частности, включение антонимов типа *бесцельно*), принципы их отнесения к данной семантической группе, характеристика других наречий с точки зрения их способности передавать данную семантику, возможность трансформирования высказываний с анализируемыми наречиями в другие целевые конструкции. Недостаточно изучены семантические подразряды наречий цели, их связь, пересечение с наречиями других разрядов (напр. образа действия / качественных, причины и др.).

Решению многих проблем способствует изучение функционирования разных подгрупп наречий в высказываниях. В первую очередь фиксировалось наличие в них,

помимо целевого наречия, различных способов выражения дополнительной целевой ситуации-финиша: синтаксическими целевыми конструкциями, предложно-падежными формами, деепричастными оборотами, предикативной частью сложносочиненного / бессоюзного предложения, самостоятельным высказыванием контактного или дистантного расположения. Рассмотрены особенности сочетания разных типов наречий с иными целевыми средствами.

В толкование некоторых наречий включается указание на целевую ситуацию (*назло* – 'чтобы рассердить', *на память* – 'чтобы запомнить', *напоказ* – 'для создания впечатления, для вида', *профилактически* – 'с целью профилактики', *угождающе* – 'для того, чтобы вызвать расположение' и под.). В высказываниях с этими наречиями могут быть представлены многозвенные ситуации цели, напр.: *...не смей себя жалеть, и тогда назло бесчестным судьям и зрителям чужого жилья обязательно попадёшь и забьёшь проклятому Уругваю гол* (А. Варламов. Купавна); *А толпу ярко, криливо выставила напоказ — чтобы буйно сбивала еще больше с толку* (В. Володин. Повесть временных лет); *Профилактически для защиты от насекомых-вредителей советую регулярно мыть комнатные цветы в ванне под сильной струёй душа..* (В. Дадыкин. Зелёный новосёл). Здесь реализуется актуализация целевой семантики, ее конкретизация, а также указание на несколько различных целей.

Выявляются другие средства актуализации каузируемой ситуации, связанные с целевыми наречиями.

Студеникина Ксения Андреевна
МГУ им. М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

О роли числовой морфологии существительного в русских именных группах с сочинёнными модификаторами²

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00037, реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>.

Для русского языка неоднократно отмечалась вариативность согласования в именных группах с сочинёнными прилагательными единственного числа: для существительного оказывается возможным как единственное, так и множественное число (1). В исследованиях С.В. Кодзасова [1987] и О.Е. Пекелис [2013] рассматривались различные семантические, дискурсивные и синтаксические факторы, параметризующие вариативность согласования в данной конструкции. Однако роль морфологических особенностей существительного ранее не изучалась на материале русского языка.

(1) По улице несутся легковая и грузовая **машина/ машины**. [Кодзасов 1987: 210]

Впервые взаимосвязь числовой морфологии существительного и стратегии согласования была описана для болгарского языка в исследовании Б. Харизанова и В. Грибановой [2015]. В болгарском при регулярном образовании множественного числа возможно только множественное число существительного (2), в то время как при нерегулярном

---

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00037, реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>.

множественном числе становится возможным употребление только существительного в единственном числе (3). Предложенный исследователями синтаксический анализ предполагает сочинение двух именных групп и дальнейшее извлечение существительного одновременно из обоих конъюнктов (АТВ-передвижение). Считается, что признак числа устроен привативно. В соответствии с анализом Харизанова и Грибановой, корень вставляется на ранних этапах деривации, до синтаксических передвижений, а признак множественного числа появляется лишь в процессе синтаксической деривации. Следовательно, контекстная алломорфия невозможна, так как до передвижения для неё не было подходящих условий.

(2)	българск-и-йа	и	руск-и	народ-и/ *народ
	болгарский-SG.M-DEF	и	русский-SG.M	народ-PL/ народ
	‘болгарский и русский народы’			
(3)	най-ниск-о-то	и	най-високото	дете/ *дече
	SUP-низкий-SG.N-DEF	и	SUP-высокий-SG.N-DEF	ребенок/ дети
	‘самый низкий и самый высокий ребенок’ [Harizanov & Gribanova 2015: 1, 6]			

Для того чтобы выяснить, как связаны числовая морфология существительного и стратегия согласования в русском языке, мы провели экспериментальное исследование с оценкой приемлемости по шкале Ликерта (1-7) и чтением с саморегуляцией скорости. Проверялись такие факторы, как число существительного (единственное/множественное) и тип существительного с точки зрения морфологии числа: (i) с супплетивной морфологией и чередованием в корне (4), (ii) с чередованием суффиксов (5), (iii) с дефектной парадигмой, а именно *singularia tantum* (6a) и *pluralia tantum* (6b), (iv) с регулярной морфологией (7). Для статистического анализа результатов эксперимента использовался регрессионный анализ с применением линейных смешанных моделей. В Приложении представлены результаты статистического анализа, а также графики средних значений для оценок приемлемости и времени чтения.

(4)	a. Высокий и низкий человек перебежали через дорогу.
	b. Высокий и низкий люди перебежали через дорогу.
(5)	a. Полосатый и пятнистый котенок замяукали в корзинке.
	b. Полосатый и пятнистый котят замяукали в корзинке.
(6)	a. Морская и сухопутная пехота перешли в наступление.
	b. Напольные и настольные весы вышли из строя.
(7)	a. Пожилой и молодой преподаватель вошли в аудиторию.
	b. Пожилой и молодой преподаватели вошли в аудиторию.

Результаты эксперимента оказались следующими. Наиболее высокие оценки и отсутствие задержек при чтении наблюдается для форм с дефектной парадигмой, что подтверждает наличие эффекта синкретизма. Для существительных, которые образуют множественное число с морфологическими изменениями в корне, допустимыми оказываются только формы единственного числа. Это подтверждается как разницей в оценках приемлемости, так и наличием задержек при чтении для менее приемлемых структур с множественным числом существительного. Для существительных с чередованием суффиксов формы единственного и множественного числа оказываются одинаково приемлемыми, значимых отличий не

наблюдается. Для существительных с регулярной морфологией оказываются более приемлемыми формы множественного числа, что может быть вызвано наличием предикативного согласования по множественному числу

Таким образом, анализ с АТВ-передвижением, предложенный для болгарского, объясняет невозможность супплетивных форм множественного числа. Однако он предполагает привативное устройство признаков, что невозможно при сопоставимой приемлемости единственного и множественного числа для существительных с чередованием суффиксов.

Нам кажется возможным применить для анализа русских данных подход с общей или разделяемой структурой [Shen 2018]. В соответствии с данным подходом, признак числа устроен эквиполентно, что объясняет одинаковую приемлемость единственного и множественного числа для существительных с чередованием суффиксов. Разделяемая структура образуется в ходе параллельного соединения, которое, как и внешнее соединение (синтаксическое передвижение), происходит после вставки лексических единиц. Признак множественного числа вырабатывается при вычислении признаков, и замена супплетивной формы единственного числа на форму множественного числа, то есть контекстная алломорфия, уже невозможна на этом этапе деривации. Подход с наличием общей структуры позволяет объяснить высокую приемлемость синкретичных форм. Если они поступают в структуру уже с признаком числа, согласование с вершиной NUM не требуется. Свободная применимость вычисления признаков объясняет и относительную приемлемость единственного и множественного числа для регулярных существительных.

Проведенное экспериментальное исследование показало, что числовая морфология существительного является важным фактором, определяющим выбор стратегии согласования в именных группах с сочинёнными модификаторами в русском языке. Нам удалось установить, что анализ с наличием общей разделяемой структуры лучше всего объясняет полученные результаты.

Литература

- Кодзасов, С.В., (1987). Число в сочинительных конструкциях. *Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах*. М, 204-219.
- Пекелис, О. Е. (2013). Сочинение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М.
- Harizanov, B., and Gribanova, V. (2015). How across-the-board movement interacts with nominal concord in Bulgarian. In *Proceedings from the Annual Meeting of the Chicago Linguistics Society* 49, University of Chicago, IL. Chicago Linguistics Society.
- Shen, Z. (2018). Feature arithmetic in the nominal domain. PhD thesis, University of Connecticut, Storrs, CT. ^[L]_{SEP}

Приложение

Формула модели для оценок приемлемости: Нормализованные оценки $\sim$ Число существительного * Тип существительного + (1 + Число существительного | Номер лексикализации).

Эффект	Коэффициент	CI _{lower}	CI _{upper}	Стандартная ошибка (SE)	t-значение	p-значение
Отрезок (число = мн УСЛОВИЕ = ДЕФЕКТН)	0.453	0.148	0.758	0.161	2.808	0.009

ЧИСЛО мн→ед	0.062	-0.1602	0.286	0.118	0.532	0.599
ТИП ДЕФЕКТН→РЕГУЛЯРН	-0.228	-0.659	0.203	0.228	-0.999	0.326
ТИП РЕГУЛЯРН→СУППЛ	-1.122	-1.552	-0.691	0.228	-4.919	<< 0.0001
ТИП СУППЛ→СУФИКС	-0.675	-1.107	-0.244	0.228	-2.958	0.006
ЧИСЛО мн→ед : ТИП ДЕФЕКТН→РЕГУЛЯРН	-0.397	-0.712	-0.081	0.167	-2.379	0.024
ЧИСЛО мн→ед : ТИП РЕГУЛЯРН→СУППЛ	0.515	0.199	0.8301	0.167	3.089	0.005
ЧИСЛО мн→ед : ТИП СУППЛ→СУФИКС	0.088	-0.228	0.404	0.167	0.526	0.603

Таблица 1. Результаты применения линейных смешанных моделей для оценок приемлемости

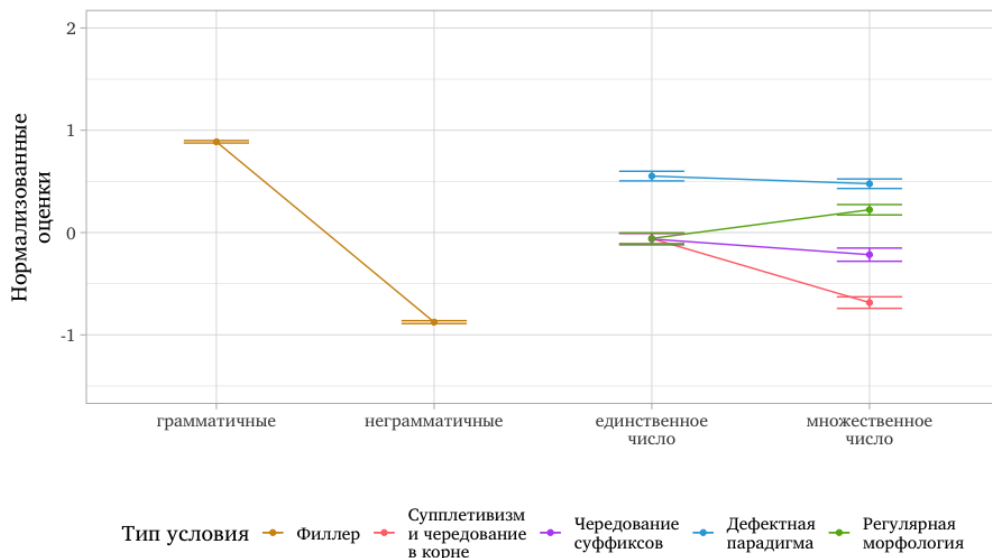

Рисунок 1. График взаимодействия для оценок приемлемости

Формула модели для времени чтения существительного: $\text{Время чтения} \sim \text{Число существительного} * \text{Тип существительного} + (1 + \text{Число существительного} | \text{Идентификатор респондента}) + (1 + \text{Число существительного} | \text{Номер лексикализации})$

Эффект	Коэффициент	CI _{lower}	CI _{upper}	Стандартная ошибка (SE)	t-значение	p-значение
Отрезок (число = мн УСЛОВИЕ = ДЕФЕКТН)	623.576	465.673	780.931	81.568	7.645	<< 0.0001
ЧИСЛО мн→ед	178.212	-13.624	370.086	100.020	1.782	0.078
ТИП ДЕФЕКТН→РЕГУЛЯРН	269.782	51.595	490.569	114.106	2.364	0.0203
ТИП РЕГУЛЯРН→СУППЛ	354.765	133.982	573.125	114.106	3.109	0.003
ТИП СУППЛ→СУФИКС	135.833	13.441	258.248	63.825	2.128	0.042
ЧИСЛО мн→ед : ТИП ДЕФЕКТН→РЕГУЛЯРН	-360.261	-720.759	0.145	187.281	-1.924	0.058
ЧИСЛО мн→ед : ТИП РЕГУЛЯРН→СУППЛ	-473.559	-833.728	-113.108	187.272	-2.529	0.014
ЧИСЛО мн→ед : ТИП СУППЛ→СУФИКС	8.936	-112.554	130.433	65.084	0.137	0.892

Таблица 2. Результаты применения линейных смешанных моделей для времени чтения существительного

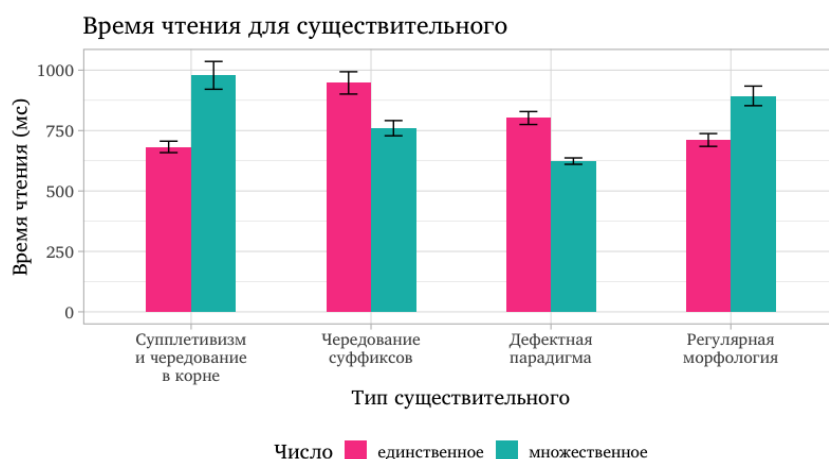

Рисунок 2. Диаграмма средних значений для времени чтения существительного

Урысон Елена Владимировна
ИРЯ РАН
(Москва, Россия)

Некоторые принципы описания грамматической периферии

Объект предлагаемой работы – глаголы с приставкой *–по* типа *позаниматься*, *погулять*, *почитать*. Такие глаголы традиционно относятся к делимитативному способу действия. Однако в литературе высказывались веские основания в пользу того, чтобы считать их видовыми коррелятами к соответствующим бесприставочным глаголам НСВ, т.е. считать пары типа *заниматься* – *позаниматься*, *гулять* – *погулять*, *читать* – *почитать* чисто видовыми. Цель работы – уяснить статус таких пар в аспектуальной системе русского языка. Данные пары анализируются в рамках подхода [Урысон // ВЯ, 2019, № 3]. Демонстрируется, что признание таких пар видовыми противоречит принятым определениям грамматической категории вообще и русской грамматической категории вида в частности.

«Грамматические процессы и системы в диахронии»

Буденная Евгения Владимировна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
jane.sdrv@gmail.com

Коньячку бы, да до дому: хронология развития некоторых форм второго родительного падежа

Формы родительного падежа на -у у части русских существительных мужского рода широко изучались в контексте других генитивных форм – как приглагольных объектных, так и управляемых предлогами (Борковский, Кузнецов 2006/1963; РГ-80; Крысько 2006/1997; Малышева 2010). Тем не менее в силу многообразия и неоднородности данных форм ряд вопросов их развития требует дальнейшего изучения и систематизации.

В ходе диахронического исследования на материале основного и исторического разделов Национального корпуса русского языка мы обнаружили следующие факты, дополняющие уже известные сведения о родительных формах на -у:

- Корпусное исследование показало своего рода «зеркальный» характер эволюции партитивного значения. На самом раннем этапе (до XIII в.) многие слова й-склонения в ряде форм мимикрировали под -й-склонение, однако родительный на -у еще широко оставался в ходу. В период до XV в. беспредложный генитив на -у у слов бывшего й-склонения фигурировал, как правило, в контекстах берестяных грамот и деловых документов вида «мера+X»: *кругъ **воску*** (1054, XIII), *цо бѣ юси прислалъ **воську*** (129, XV). Распространенность таких контекстов, по всей вероятности, способствовала закреплению за данными формами нового партитивного значения, в силу чего новые дериваты и более поздние заимствования XVI в. с вещественной семантикой стали образовывать схожие партитивные формы на -у: *и принесли ему... 10 голов **сахару**, 6 свеч **воцаных**, 2 кожи овечьих **шарапу*** [Статейный список И. П. Новосильцева (Турция) (1570)]

- Несмотря на то, что большинство моделей с родительным на -у уже не являются продуктивными, диминутивные словообразовательные модели и синтаксические конструкции с препозицией партитивных форм на -у еще сохраняют устойчивость и могут употребляться даже с новыми заимствованиями: *Анальгинчику не найдётся?* [Я. Г. Солонин. Шум. Бумага. Грецкие орехи. Безразличие // «Волга», 2014], *А мы сейчас поедem ко мне, сварим глинтвейнчику*. [М. Вишневецкая. Вышел месяц из тумана (1997)], *Хайну было много* <https://glasscannon.ru/forum/viewtopic.php?f=43&t=4804>. Таким образом, говорить о полной непродуктивности данных форм в современном языке не представляется правомерным.

Вернер Инна Вениаминовна
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)
inna.verner@mail.ru

**Местоимения *той/того* и *его* в переводе Нового Завета Епифания Славинецкого
и Евфимия Чудовского (1670-1680-е гг.)**

Предметом доклада являются многочисленные случаи непоследовательных исправлений личных местоимений 3-го лица в аккузативе *его*, *ю*, *ихъ*, омонимичных им притяжательных местоимений и указательных местоимений *той*, *там*, *тое* в косвенных падежах. Эта правка связана с омонимией греческих форм местоимений αὐτός, αὐτή, αὐτό, выступающих в косвенных падежах в функции личных местоимений 3-го лица, а в генетиве также в функции притяжательных местоимений 3-го лица. Непоследовательность и противоречивость правки в черновых списках Нового Завета демонстрирует попытки Евфимия Чудовского разрешить проблему омонимии, используя а) оппозицию указательных местоимений *is*, *ea*, *id* / *ille*, *illa*, *illud* в латинских текстах-источниках, б) семантический критерий смены субъекта в пределах условного нарративного целого, в) формальный орфографический критерий различения личных и притяжательных форм местоимений.

Галинская Елена Аркадьевна
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
eagalinsk@mail.ru

**Формы родительного и местного падежей единственного числа
существительных мужского рода в Лечебнике XVII века**

В докладе рассмотрены формы родительного и местного падежей существительных на *-а* и *-у* в лечебнике под названием «Книга, глаголемая Прохладный вертоград, избранная от многих мудрецов о различных врачевских вещех ко здравью человеческому пристоящих», переведенном с неуставленного языка подъячим Андреем Никифоровым в 1672 году. Был исследован список РГБ, ф. 317, № 8. XVII в. (254 л.), имеющий высокий процент акцентуированности. Оказалось, что в Р.п. распределение окончаний *-а* и *-у* в ряде случаев строго зависит от падежного значения: окончание *-а* употребляется в родительном субъекта и принадлежности, в счетной форме; окончание *-у* – в родительном даты и партитиве (с двумя исключениями). В значении родительного объекта, сравнения, изъяснения и исходно-достигательном падеже окончание *-а* преобладает над окончанием *-у*, тогда как в родительном со значением причины, а также выделительной характеристики по материалу или веществу существительные оканчиваются преимущественно на *-у*. Зависимость в присоединении окончания *-а* или *-у* от акцентной парадигмы слов обнаруживается только в исходно-достигательном падежном значении. Из интересных наблюдений над формами местного падежа можно отметить достаточно большое количество нетривиальных случаев, где существительные употреблены в изъяснительном значении с предлогом *о* и окончанием *-у* (например, *о насморку*, *о хрѣну*, *о́ духу*).

Добровольский Иван Сергеевич
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
imperfect@yandex.ru

Формы типа *а́ндрéови* в церковнославянских текстах Нового времени

1. В докладе анализируется выбор между **о (w)** и **е (e)** в мягком варианте склонения заимствованных слов на *-éи* в формах Д.ед., Т.ед., Д.мн., Р.=В.мн. и в притяжательных прилагательных, а также в некоторых других случаях.
2. Данные текстов Нового времени по формам типа *а́ндрéови* сопоставляются с данными старославянских текстов по аналогичным формам.
3. Обсуждаются трудности, связанные с разными трактовками основы в формах типа *а́ндрéови*. Если считать, что в таких формах основа на *e* (т.е. на гласную), то они представляют уникальное явление для морфонологии церковнославянских существительных. А если считать, что в таких формах основа на *j*, то остается неясным, почему мягкость основы не обозначена на письме.
4. В докладе выдвигается осторожная гипотеза, согласно которой исход *-éови* в формах типа *а́ндрéови* можно интерпретировать как [éjов'и]. При этом данная интерпретация возможна для церковнославянских текстов Нового времени, но не для старославянских.

Дьяченко Светлана Владимировна
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
svet-lan-a@list.ru

Тер-Аванесова Александра Валерьевна
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
teravan@mail.ru

Фонемы /e/ и /ʎ/ в заимствованных основах по данным южнорусских и среднерусских говоров XX века

В русских говорах с различием фонем /e/ и /ʎ/ в основах заимствованных слов, этимоны которых содержат ударный гласный *e*, могут выступать обе фонемы, при этом за каждой основой закреплена одна из них. Варьирование /e/ и /ʎ/ в одной основе встречается сравнительно редко. Наша работа основана на материале около 160 лексем из рязанских и елецко-оскольских говоров по записям начала XX и начала XXI вв. Бóльшая их часть представляет собой слова, заимствованные из европейских языков через посредство стандартного русского языка или городского просторечия (*нёрвы, ёвро, интересный, матёрия, лѣнтка, тарѣлка, газѣта* и др.), профессиональных и официально-деловой разновидностей стандартного языка (*зоотѣхник, докумѣнт, пѣнсия/пѣнзия, пенсионѣр*); явно объединяются в одну группу имена собственные разного происхождения, заимствованные из стандартного языка – географические названия и фамилии известных людей (*Тюмѣнь, Одѣсса, Тѣрек, Лѣнин, Ёльцин* и др.); около 35 лексем – слова, вошедшие в диалекты через посредство церковнославянского языка, из них 25 – это имена собственные (*Алексѣй, Марѣя, Елѣна, Глѣб*) и их производные: гипокористические образования, отчества, фамилии и некоторые др. (*Савватѣв, Сѣргов день, Пѣтъя, Фѣдька*), а также несколько основ с

неполногласием (*плён, врёд, врёмя*, В. ед. *срёду*); по несколько слов заимствовано из идиш (*пёсики, хёдер* в оскольском говоре) и из некоторого финно-волжского источника (названия рек *Тёльма, Воймёга* в говорах Мещёры); к этим данным примыкает группа «книжных слов» славянского происхождения, вошедших в говоры из стандартного языка. Материал характеризует ситуацию в говорах к юго-востоку от Москвы в XIX–XXI вв., которой свойственно единство и простота принципов огласовки заимствованных основ: в тех частях основ, которые осмысляются носителями как корни, ударный *е* слов-этимонов субституируется фонемой /e/, а в тех частях, которые осмысляются как «суффиксы» (им свойственна повторяемость в заимствованных основах, в большей части случаев они представляют собой суффиксы в языках-источниках), *е* субституируется фонемой /ѣ/. Примеры с /ѣ/ в «суффиксах»-финалях (жирным шрифтом выделены примеры из записей начала XX в.), -ѣт-: **карѣта, конфѣта, монѣта, кассѣта, котлѣта, розѣтка, салфѣтка, таблѣтка, табурѣтка, билѣт/белѣт, университетѣт, потрѣт, туалѣт, кабинѣт, пакѣт, букѣт, лисаѣт** (но *жакёт*); -ѣка: **библиотѣка, аптѣка, ипотѣка**; -(ион)ѣр-: **миллионѣр, охвицѣр, милиционѣр, пенсионѣр** (но *пионёр*), **фанѣра**, а также с перестановкой согласных: **тарѣлка, хорѣла** ‘холера’; -ѣй-: **лакѣй, архиерѣй, еврѣй, юбилѣй, хоккѣй, канарѣйка, батарѣйка**. Единственной финалью, где выступает /e/, является -(м)ент-: **документ, инструмѣнт, цемѣнт, алимѣнты, студѣнт, процѣнт, клиент, шпѣнт**. Возможно, этот принцип огласовок заимствованных основ первоначально выработался у церковнославянских заимствований, ср. диал. *Алексѣй, Андрѣй* (и *Андрѣй*), *Сергѣй, Дорофѣй, Матѣй, Савватѣй, Фалилѣй, Федосѣй, Евдокѣя, Марѣя, Палагѣя* (и аналогично *Расѣя*) vs *Елёна, Терѣнтий, Демѣнтий, Дѣмино, Матрѣнцев, Сѣргов, Евгѣния, Валѣрий, Глѣб, Ефрѣм* (однако *Ахрѣм, Лизавѣта*): в говорах наблюдаются лишь остатки традиционного распределения /e/ и /ѣ/ в именах собственных на -ей и -ѣй-церковнославянского происхождения.

Вместе с тем грамотные носители говора иногда стремятся произносить в первую очередь новейшие, недостаточно освоенные заимствования (но иногда также и вполне освоенные слова) с ударной /e/, в соответствии со своими представлениями о «стандартном», «грамотном» произношении и правилах чтения. Повсеместно среди носителей говоров с различием фонем /e/ и /ѣ/, /o/ и /ѡ/ распространено мнение, что литературному произношению свойственны фонемы с ровным началом /e/ и /o/, а фонемы-дифтонги /ѣ/ и /ѡ/ присущи только диалектной речи (в действительности наоборот: литературные /e/ и /o/ являются дифтонгами, то есть близки по своим реализациям диалектным фонемам /ѣ/ и /ѡ/, а реализации диалектных фонем-монофтонгов /e/ и /o/ для носителя литературного произношения – ярко специфические звуки). Носители говоров также считают, что правильным чтением букв *е* и *о* являются монофтонги /e/ и /o/ (в действительности при беглом чтении они употребляют фонемы /e/ и /ѣ/, /o/ и /ѡ/ в соответствии с нормой говора). Вероятно, с этими представлениями связана вариативность *Амѣрика/Амѣрика, туалѣт/туѣлѣт, библиотѣка/библиѣтѣка, пинсианѣр/пинсиѣнѣр*, отмеченная в оскольском говоре с. Роговатое, причем варианты с /e/ встретились исключительно у двух младших по возрасту и наиболее образованных информантов.

Источники

Корпус Роговатки – A.V. Ter-Avanesova, S.V. Dyachenko, E.V. Kolesnikova, A.V. Malysheva, D.I. Ignatenko, A.B. Panova, N.R. Dobrushina. Corpus of Rogovotka dialect. 2018. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, NRU HSE. URL: <http://lingconlab.ru/rogovotka/>, accessed on 01.06.2022.)

Корпус Малинино – А.В. Тер-Аванесова, Ф.А. Балабин, С.В. Дьяченко, А.В. Малышева, А.Б. Панова, В.А. Морозова. Корпус говора села Малинино. 2019. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ), Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Электронный ресурс: <https://lingconlab.ru/malinino/>, дата обращения 26.05.2022

А.А. Шахматов. Материалы, собранные И.С. Гришкиным, В.Н. Тростянским и др. // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, т. ХСV, №1. Петроград, 1916.

Иордани Наталья Павловна

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
iordani.natasha@yandex.ru

К вопросу о соотношении инфинитива с частицей *бы* и форм сослагательного наклонения в старорусских текстах

В докладе рассматриваются особенности употребления форм сослагательного наклонения в независимых предикациях и инфинитива с частицей *бы* (сослагательного инфинитива, как его определяет ряд исследователей) в деловых и бытовых текстах XVI–XVII вв. Как показал анализ источников, отличие от современного русского языка, где инфинитив с частицей *бы* занимает периферийное положение и не пересекается с формами сослагательного наклонения, выражая оценочное значение, в старорусский период эта языковая единица активно конкурирует с *л*-формой: обе формы употребляются в контекстах одного типа и развивают побудительное значение, несвойственное сослагательному инфинитиву в настоящее время. Частотность употребления инфинитива с частицей *бы* также претерпела изменения в истории русского языка: если в XVI–XVII вв. он встречается регулярно, то впоследствии эта языковая единица была вытеснена формой сослагательного наклонения и в современный период стала малоупотребительной.

Кобозева Ирина Михайловна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)
kobozeva@list.ru

Сердобольская Наталья Вадимовна

Институт языкознания РАН
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
(Москва, Россия)
serdobolskaya@gmail.com

Функциональное распределение *аки* и *како* в истории русского языка

В исторических грамматиках и словарях выделяют значения сравнения, в основном, у двух древнерусских союзных средств – *како* (*какъ*) и *аки* (*акы*), см. [Срезневский 1893; Борковский 1958: 147]. Данные показатели вводят стандарт сравнения:

- (1) Тамо есть Давыдовъ домъ **какъ** городокъ. 1392 г. [Срезневский 1893 I: 1180]
- (2) А вы бы, бояре..., служили бы есте моему сыну, **как** есте мнѣ служили прямо. Вас. XVI в.
- (3) ...людіе сѣкуще, **аки** траву. Повесть временных лет, Лавр. 1377 г.

(4) есть же мѣсто то на земли ниско съз(д)ано **аки** вдрѣ. Национальный корпус русского языка. XVI в.

В (2) и (4) стандарт сравнения вводится *как* и *аки*, соответственно; параметр сравнения задается лексемами *прямо* и *ниско*.

Согласно [Стеценко 1972: 288-289], основной, а согласно [Руднев 2020: 399] – единственной функцией *аки* является оформление образного сравнения, ср. (3). Однако противопоставление сравнительных конструкций по параметру образности не всегда объясняет выбор одного из двух союзов. Так, вряд ли можно утверждать, что сравнение в (4) образное, а в (1) – нет; между тем, в (4) используется *аки*, а в (1) *како*.

Типологические исследования сравнительных конструкций противопоставляют в рамках данной семантической зоны значения симилиатива (подобие, сходство) и экватива (тождество, полное соответствие). Кроме того, мы особо выделяем значение эквативов с имплицитным параметром:

(5) солнче... бы **акы** въ 5 ноціи мѣсяць. Новг. 1 лет. XIII–XIV вв.

(6) даи намъ ржи на полтину **какъ** людомъ поцнешъ давать. Новг. гр. 364, XIV в.

В этих случаях, в отличие от (2) и (4), в предложении не выражен признак, по которому проводится сравнение; однако он может быть восстановлен из контекста (величина в (5) и условия сделки в (6)).

В докладе ставится задача определить, как распределяются *како* и *аки* в перечисленных выше контекстах. Мы анализируем выборку из нескольких древнерусских памятников, включая летописи из Полного собрания русских летописей и тексты из коллекции <http://lib.pushkinskijdom.ru/>. Материал 16–18 вв. взят из Национального корпуса русского языка.

В докладе будет показано, что употребление *како* в конструкциях с симилиативным (3) и эквативным (4) значением включает единичные примеры до 15 в. и наращивает частотность уже в 16–17 вв. До этого времени оба значения обслуживаются *аки*. В первую очередь, экспансия *како* происходит на контексты эквативов имплицитного параметра, и лишь затем распространяется на эквативы и симилиативы.

Литература

- Борковский В. И. Синтаксис древнерусских грамот. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958.
- Руднев Д. В. Сложное предложение // Историческая грамматика русского языка. Энциклопедический словарь / Под ред. В. Б. Крысько. М.: ИЦ «Азбуковник», 2020.
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Том I. СПб, 1893.
- Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. М.: Высшая школа, 1972.

Макеева Ирина Ивановна

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
irinamakeeva2007@mail.ru

Форма родительного падежа отглагольных существительных в Харьковской кормчей XV – XVI вв.

В одном из списков Кормчей ранней русской редакции часто встречается форма родительного падежа отглагольных имен существительных на *-(e)ниј-* и *-иј-*, совпадающая с

формой винительного падежа (P=B): *без общение, осужение достоинь, плоды искушаемъ покаяние, своего именье* и др.

Такие формы встречаются у обоих писцов второй части Харьковской кормчей (XV – XVI вв.), представляющей Волынскую группу списков памятника. Входящие в нее рукописи написаны и функционировали на Западе и Юго-Западе Руси.

У каждого писца на долю такой формы приходится около половины употреблений родительного падежа отглагольных существительных. Вторую половину составляют обычные формы родительного падежа.

Форма P=B обусловлена произношением [e] вместо [a] в позиции после мягких согласных и [j], о чем писал А. И. Соболевский в работе «Лекции по истории русского языка». В Харьковской кормчей такое фонетическое явление представлено в большой группе книжных слов определенного словообразовательного класса и определенной морфологической структуры. Возможно, имела место грамматикализация формы P=B таких слов, и она функционировала наряду с обычной формой родительного падежа. Косвенным подтверждением этого предположения могут служить устойчивые написания, отражающие другие языковые особенности Харьковского списка, которые также предполагается рассмотреть в докладе.

Малышева Анна Викторовна

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

annamalys@mail.ru

Особенности синтаксической сочетаемости некоторых глаголов в западнорусских говорах (по материалам электронных корпусов)

Исследование посвящено рассмотрению особенностей управления некоторых общерусских глаголов на материале говоров западной диалектной зоны. Предварительный список лексем, подлежащих проверке по корпусам, включал около 60 глаголов и был составлен прежде всего на основе работы П. А. Расторгуева «Говоры на территории Смоленщины» (М., 1960) и дополнен данными экспедиционных записей, диалектного корпуса НКРЯ и сведениями из статей по лексике и грамматике русских диалектов, в которых упоминаются особенности синтаксической сочетаемости глагола. Так, например, известно, что общерусский глагол *смеяться* имеет в говорах следующие варианты управления: *смеяться над кем-н., кому-н., на кого-н., с/из кого-н., около кого-н., за кого-н.*, и этот список может быть пополнен. Соответственно, так же варьирует управление и у других диалектных лексем с общим значением 'смеяться'. Предпринимается попытка лингвогеографического описания вариантов реализации синтаксических актантов глагола. Исследование проведено на материале пяти электронных корпусов западной диалектной зоны, полученные данные сравнивались с материалами корпусов северных, восточных среднерусских, юго-восточных и межзональных говоров (<http://lingconlab.ru/>). Учитывая специфику и часто небольшой объем корпусного материала, сам факт наличия в современных электронных корпусах того или иного диалектного варианта управления можно рассматривать как доказательство его широкого употребления и устойчивости.

Мишина Екатерина Андреевна
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
kmishina@mail.ru

Система прошедших времен в «Хожении игумена Даниила»

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ 20-012-00241 «Лингвистические параметры жанров оригинальной книжной письменности Древней Руси»

Хожение игумена Даниила – самое раннее из дошедших до нас древнерусских хожений (памятник XII в., старшие из списков датируются XV в.), заложившее основу всей последующей паломнической литературы Древней Руси. Язык хожения во многом уникален: в памятнике представлены конструкции, несвойственные или мало свойственные летописной или агиографической традиции, и отсутствующие в более поздних памятниках данного жанра. С этой точки зрения, интерес представляют особенности функционирования глагольных форм и конструкций, отраженные в хожении. В докладе речь пойдет о системе прошедших времен. В ХИД представлен полный набор форм прошедшего времени: аорист, имперфект, перфект, книжный плюсквамперфект (*бѣше ходил*), сверхсложное прошедшее (или «русский» плюсквамперфект: *был ходил*). Будут представлены результаты исследования функционального распределения форм прошедшего времени, особенности употребления как в основных, так и факультативных контекстах, типичных для той или иной формы, а также рассмотрены дополнительные (аспектуальные, синтаксические и лексические) факторы, обуславливающие выбор формы.

Традиционным образом (как и во всей восточнославянской книжной письменности данного периода) аорист выступает в качестве основного нарративного времени, обозначающего законченное событие в прошлом, часто в цепочках (более 250 форм), хотя возможно употребление и в других контекстах, типичных для плюсквамперфекта и перфекта. Имперфект употребляется существенно реже в качестве факультативной формы, обозначающей фоновые состояния, процессы, повторяющиеся действия (ок. 30 форм). Формы плюсквамперфекта (книжного и русского) представлены единичными формами, при этом если формы книжного плюсквамперфекта выражают как такисное значение предшествования другому действию в прошлом, так и ретроспективное значение отдаленного (неактуального) прошлого, то формы русского плюсквамперфекта имеют только ретроспективное значение. Особый интерес представляет функционирование формы перфекта, конкурирующей в определенных контекстах со всеми остальными временами (аористом, имперфектом и плюсквамперфектом). В тексте встречаются формы с исконным перфектным (результативным) значением, перфект (хотя и редко) возможен в нарративных цепочках, типичных для аориста, однако в качестве основного (наиболее частотного) употребления следует признать значение, пересекающееся со значением плюсквамперфекта: в контекстах, упоминающих о событии, случившемся на том или ином месте или с тем или иным лицом (*есть место X, где случилось событие P; на месте X был Y, с которым случилось P*), довольно часто это придаточные с союзами и союзными/относительными словами *идеже, кудаже, откудаже, иже* и др. или сочетание с обстоятельствами *ту, на томъ месте* и др. На фоне общего функционирования форм перфекта будут проанализированы конструкции с перфектом от *быти* (*и ту есть был домъ*), частотные в хожении.

Мольков Георгий Анатольевич
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
georgiymolkov@gmail.com

Шарихина Миляуша Габдрауфовна
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
justmilya@yandex.ru

Грамматические явления в Требнике Никона (1658 г.) на фоне предшествующей церковнославянской богослужебной традиции XV–XVII вв. (на материале отдельных чинов)

В докладе представлен сопоставительный анализ грамматических явлений в Требнике Никона и в более ранних печатных изданиях требников и отдельных чинов XVII в., изданных в Москве и в югозападнорусских типографиях, а также в рукописных Служебнике и Требнике Киприана 1481 г. (ГИМ, Син. 326) и Требнике 1423 г. (ГИМ, Син. 307). Выбор приведенных памятников основан на результатах археографических и текстологических исследований богослужебных текстов XVII в., показавших их влияние на формирование традиции употребления языковых средств в никоновской редакции Требника и требующих подтверждения лингвистическими данными. В докладе будет предпринята попытка охарактеризовать грамматическую норму в Требнике Никона как совокупный результат влияния разных региональных традиций. С привлечением греческих оригиналов текстов Требника будут проанализированы чины, которые, согласно существующим наблюдениям, вошли в состав новой редакции Требника из разных источников.

Новак Мария Олеговна
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
mariaonovak@gmail.com

**“Панове рада” в среднерусских источниках XVI–XVII вв.:
пути морфологической адаптации заимствования**

Сообщение посвящено грамматической специфике полонизма “панове/паны рада” ‘члены королевского совета, сенаторы’ в старорусских дипломатических источниках XVI–XVII вв.: “Памятниках дипломатических сношений с Римскою империею”, т. I (документы 1576–1594 гг.), “Актах, относящихся к истории Южной и Западной России”, т. 3 (документы 1638–1649 гг.), материалах старорусского подкорпуса Национального корпуса русского языка, в сопоставлении с данными “Słownika polszczyzny XVI wieku” (т. XXXV: 2011). Широкое варьирование форм словоизменения и синтаксических связей, поддерживаемое различием грамматических характеристик элементов устойчивого словосочетания, наблюдается как в языке-источнике, так и в заимствовании. При этом налицо как тождество падежных форм, обусловленное общностью деклинационных моделей и динамических процессов в польском и русском языках (например: ДП *panom radom*, *panam radam* // *паномъ радомъ*, *панамъ радамъ*; ТП *z Pany Radami*, *z Panami Radami* // *съ паны радами*, *съ панами радами*), так и явления, отличающие старорусское употребление (например, *съ паны радою*).

Предполагается детально обсудить факторы варьирования и дальнейшей адаптации полонизма на русской почве.

Пекелис Ольга Евгеньевна
РГГУ
(Москва, Россия)

Русские указательные местоимения в недейктических функциях: микродиахроническое исследование

Настоящее исследование посвящено эволюции ограничений на употребление указательных местоимений *этот* и *тот* в недейктических функциях после XIX в. В фокусе внимания – субстантивные недейктические функции, поскольку именно в них *этот* и *тот* в современном языке дополнительно распределены. По данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), в составе биноминативного предложения (1) и при анафоре к предикации (4) сегодня употребляется *этот*, тогда как при именной анафоре в функции *topic shift* (2) и в качестве грамматического маркера (например, детерминатива в вершине относительной клаузы) используется *тот* (3). В языке XVIII-XIX вв., между тем, подобное дополнительное распределение между *этот* и *тот* согласно данным НКРЯ отсутствовало.

Биноминативное предложение

(1) *Этот* мой друг, мы с ним в одной школе учились. [lenta.ru, 2019.06.28]

Анафора к именной группе (topic shift)

(2) Авторитет решил проблему и получил деньги от Боляна_i, а *тот*_i заказал его убийство. [lenta.ru, 2019.11.18]

Грамматический маркер (детерминатив, коррелят и под.)

(3) В нашей школе преподают только *те* ребята, которые показывают успехи в учёбе. [Vesti.ru, 2020.12]

Анафора к предикации

(4) [Грамотная разработка подобных документов и программ невозможна без участия экспертов]_i, я в *этом*_i убежден. [«Эксперт Северо-Запад», 2015]

Отталкиваясь от этого наблюдения, мы стремимся предложить ответы на следующие вопросы.

- Почему проксимальное и дистальное местоимения распределились именно таким образом?
- Является ли такое распределение типологически регулярным?
- Что явилось триггером произошедшего сдвига в употреблении указательных местоимений?

Наши основные предположения сводятся к следующему.

♦ Для каждой из рассмотренных недейктических функций, совершенный современным языком выбор конкретного местоимения (*этот* vs. *тот*) может получить семантическое и/или грамматическое обоснование.

♦ Распределение между проксимальным и дистальным демонстративом, установившееся в русском, не поддерживается последовательно внутри славянских языков, в частности, отсутствует в польском, чешском и болгарском. Шире, характер соотношения между типом указательного местоимения (проксимальное vs. дистальное) и доступными для местоимения недейктическими функциями, по-видимому, обладает значительной типологической вариативностью.

♦ В качестве наиболее общего триггера произошедшего сдвига можно предполагать общезыковую тенденцию к дифференциации маркеров разных функций, т.е. тенденцию к реализации принципа «одно значение, одна форма». С этой точки зрения произошедший сдвиг встает в один ряд с явлениями, объединенными понятием «выравнивания по аналогии» (см., например, Hock 2003: 445).

Библиография

Национальный корпус русского языка [URL: www.ruscorpora.ru].

Hock, Hans H. 2003. Analogical change// Joseph, Brian D. and Richard D. Janda (eds.), The Handbook of Historical Linguistics. Oxford. 441-460.

Пенькова Яна Андреевна

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

amoena@inbox.ru

Об инхоативном глаголе УЧАТИ в среднерусской письменности

Инхоативные глаголы НАЧАТИ, ПОЧАТИ, УЧАТИ в сочетаниях с инфинитивной клаузой неоднократно привлекали внимание исследователей и рассматривались в числе кандидатов на роль аналитического будущего времени в древнерусском и среднерусском языках. Различия между глаголами НАЧАТИ и ПОЧАТИ в древне- и раннесреднерусской письменности подробно проанализированы в работах И. С. Юрьевой. Целью настоящего доклада является определение специфики глагола УЧАТИ в сравнении с другими инхоативами на материале позднесреднерусской письменности. Материалом исследования послужили данные Национального корпуса русского языка и картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв., хранящейся в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН. В отличие от предыдущих исследований инхоативов, изучавших их особенности именно в сочетании с инфинитивами, в настоящей работе предлагается проанализировать специфику употреблений этих глаголов также вне сочетаний с инфинитивом, сопоставив различия в актантной структуре и словообразовательной парадигме.

В результате проведенного анализа было установлено, что НАЧАТИ и ПОЧАТИ ведут себя примерно одинаково, эти глаголы образуют имперфективы с фазовым значением, т.е. имеют аспектуальную пару и могут считаться собственно фазовыми. Возвратные дериваты этих глаголов также имеют фазовое значение и способны сочетаться с событийным именем в качестве основного участника события. Глагол УЧАТИ, хотя и является однокоренным с НАЧАТИ и ПОЧАТИ, ни по одному параметру не сближается с последними и, безусловно, не должен рассматриваться в одном ряду с НАЧАТИ и ПОЧАТИ. Не имея полнозначительных употреблений, имперфективного и возвратного дериватов, УЧАТИ в среднерусском языке представляет собой не лексический, а чисто грамматический (аналитический) способ маркирования фазовой семантики.

Пичхадзе Анна Абрамовна
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
rusyaz@yandex.ru

Местоимение произвольного выбора *иже кѣто* в древнерусском языке

Местоимение *иже кѣто* ‘любой, кто’ встречается в древнерусских текстах очень редко и представляет собой, по-видимому, глубокий архаизм. Местоимения аналогичной структуры с близким значением функционировали в древнегреческом языке (ὅστις ‘который; всякий, кто’) и ведийском санскрите (*yád cid* < и.-е. **(H)uó-kwi-* ‘какой бы то ни было’). Во всех и.-е. языках, где засвидетельствовано это местоимение, оно имеет тенденцию к утрате склонения: в греческом Нового Завета отмечены уже только формы именительного падежа, в авестийском и древнеперсидском оно употребляется только в форме ед. ч. ср. рода, превращаясь в условно-уступительный союз. Др.-рус. *иже кѣто* также засвидетельствовано исключительно в именительном падеже и, как в иранских языках, развивает условную семантику. Это связано с тем, что местоимение не имеет конкретной референции и функционирует в генерических контекстах типа *иже кто в малѣ хощет проити и тои не может проити* ‘а всякий, кто хочет пройти [это место] с небольшой дружиной, тот не может пройти’ Хождение Даниила игумена нач. XII в. Местоимение *иже кѣто* отмечено только в оригинальных памятниках восточнославянского происхождения книжного регистра: летописях, хождениях, поучениях. В эпоху второго южнославянского влияния оно было переосмыслено как сугубо книжный элемент, эквивалентный греч. ὅστις.

Томеллиери Витторио
Università di Torino
(Турин, Италия)
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
vittoriospringfield.tomelleri@unito.it

Две неизвестные версии библейской песни Моисея (Исх 15: 1-19). На стыке перевода и переработки

В докладе представляются два относительно поздних восточнославянских перевода Песни Моисеевой (Исх. 15:1-19) с латыни, которые имеются в двух разных источниках, прямо и косвенно относящихся к новгородскому периоду переводной литературы (конец XV в. – первая половина XVI в.):

- 1) латинская Псалтирь в кириллическом переложении из рукописного собрания Чудова монастыря (около конца XV в.);
- 2) комментированная Псалтирь Бруно Вюрцбургского в переводе Дмитрия Герасимова (около 1535 г.).

Оба текста обнаруживают не только определенное сходство, обусловленное ориентацией на латинский подлинник, но также существенные отклонения. Это можно объяснить тем, что иногда два книжника выбирали разные переводческие возможности (или, реже, пользовались разными вариантами латинского текста).

В некоторых случаях, однако, наблюдается явная тенденция к сохранению традиционного церковнославянского текста, восходящего к греческой версии Септуагинты. В подобных случаях получается довольно любопытная лексико-грамматическая переводческая техника, колеблющаяся между новым переводом и переработкой старого текста.

Главное внимание будет сосредоточено на анализе некоторых лексически и грамматически любопытных разночтений обоих переводов с латыни, с целью выявить интересный факт сосуществования и, до некоторой степени, соревнования «нового» со «старым».

Шевелева Мария Наумовна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
mnsheveleva@mail.ru

Семантика начинательности глаголов с корнем *-ча-/-чьн-* в истории русского языка и проблема грамматикализации сложного будущего

В процессе формирования сложного будущего в истории русского языка конкуренция шла между конструкциями с начинательным значением – с глаголами *начьну/почьну/оучьну, иму* и (позднее) *стану*. Инфинитивные конструкции с глаголами с корнем *-ча-/-чьн-* широко употребительны на протяжении всей истории русского языка, в них видят претендентов на грамматикализацию в будущее время как применительно к ранней эпохе (так называемое «сложное будущее I» с *почьну/начьну*), так и к старорусскому периоду (особенно для конструкций с новым *-ча-*глаголом *оучьну*, частотность которого в XVI в. резко возрастает). В действительности все сочетания с глаголами на *-ча-/-чьн-* всегда имели достаточно свободный характер – иллюзия их формализации возникает за счет специфики семантики этих глаголов, отличной от современной.

Исконное значение глаголов с корнем *-ча-/-чьн-*, представленное и в старославянских, и в древнерусских текстах и сохраняющееся в старорусскую эпоху, – выражение не начальной фазы процесса, а наступления ситуации как таковой, т.е. значение наступательной начинательности. Эта семантика обуславливает специфику сочетаемости *-ча-*глаголов, на которую для древнерусской эпохи обратила внимание И. С. Юрьева (Особенности древнерусских инфинитивных сочетаний с глаголом *начати* //Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С.270-286): возможность сочетаться со стативами и другими непроцессуальными глаголами, а также употребляться в прочих непроцессуальных контекстах; возможность постановки отрицания между компонентами конструкции [Там же]. Той же природы и способность *начать/почать/оучать*-конструкций обозначать наступление новой ситуации как в прошлом (в том числе в нарративной цепочке), так и в будущем (ср. др.-рус. *почьнетъ хотѣти* Мст. грам. ок. 1130 г., *держати почаша* Повесть временных лет – *кто у них в том селѣ учнет жити люди* в грамотах XVI в.). Популярный в конце старорусской эпохи *оучну* в этих сочетаниях по своей семантике не отличается от прочих *-ча-*глаголов, высокая частотность его в непрошедшем времени в значительной степени связана с формуляром московского делового языка. Вряд ли у этих глаголов были шансы на грамматикализацию: преимуществами перед *стану* и тем более *иму*, также выражавшими наступательную начинательность (причем *иму* только в непрошедшем времени), они не обладали.

Семантическая эволюция глаголов с корнем *-ча-* в собственно фазовые происходит, по-видимому, уже в новое время, причем прежде всего в диалектной системе

Центра, отразившейся в литературном языке: нефазовые их употребления до сих пор окказионально возможны, а в северных говорах вполне нормальны и поныне.

Юрьева Ирина Сергеевна
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
iriwonok@yandex.ru

Употребление коррелятов при условных союзах в древнерусской оригинальной письменности*

Доклад будет посвящён соотносительным словам в аподосисе условного периода. В качестве материала для проведённого исследования использованы оригинальные древнерусские сочинения разных жанров: от берестяных писем до житий. Согласно полученным данным, условных периодов с коррелятами больше в менее книжных текстах. Выбор соотносительного слова также зависит от жанра и степени книжности. Чем ближе памятник к живому языку, тем выше в нём разнообразие соотносительных слов, однако основные конкурирующие варианты – *а* и *то*. В первую очередь проанализированные произведения делятся на те, где употребляется соотносительный союз *а*, и те, в которые он не допускается. Существенно и соотношение коррелятов *а* и *то* в памятниках, где встречаются оба союза. В докладе будут рассматриваться также возможные причины выбора коррелята в случае наличия в памятнике нескольких вариантов и особенности употребления редких соотносительных слов.

---

* Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ 20-012-00241 «Лингвистические параметры жанров оригинальной книжной письменности Древней Руси».